

ДЖОН ДУГЛАС, прототип героя
СЕРИАЛА **MINDHUNTER**,
и МАРК ОЛШЕЙКЕР

УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ

18+

КАК В ФБР РАЗОБЛАЧАЮТ
СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ
И **МАНЬЯКОВ**

Criminal Story. Психология преступления

Марк Олшейкер

**Убийца сидит напротив.
Как в ФБР разоблачают
серийных убийц и маньяков**

«ЭКСМО»

2019

УДК 343.9
ББК 67.51

Олшейкер М.

Убийца сидит напротив. Как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков / М. Олшейкер — «Эксмо», 2019 — (Criminal Story. Психология преступления)

ISBN 978-5-04-113369-6

Четыре уголовных дела и четыре опасных маньяка, которые без сочувствия и угрызений совести хладнокровно лишали жизни других людей. Кем они были до заключения и почему решились на убийства? В крошечной комнате для допросов бывший агент ФБР Джон Дуглас разговаривает с каждым из них и пытается понять, как зарождаются преступления. Анализируя материалы дел, биографии и психологическое состояние убийц, он рассказывает о том, как они думают, и о том, что ими движет. Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40%

УДК 343.9

ББК 67.51

ISBN 978-5-04-113369-6

© Олшейкер М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

От авторов	6
В маленькой комнате большого здания	7
Введение: экспертный опыт	8
Часть I	13
1. Пропала девочка	13
2. «Спалось мне хорошо»	18
3. Сознание убийцы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

Убийца сидит напротив: как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков

*Памяти Джоан Анджелы Д'Алессандро и в благодарность
Розмари Д'Алессандро, а также людям, которые вдохновенно,
мужественно и решительно борются за безопасность детей всей страны
и их права*

John Douglas and Mark Olshaker
THE KILLER ACROSS THE TABLE

Copyright © 2019 by Mindhunters, Inc. Published by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers. All rights reserved.

© Богданов С., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От авторов

Мнения, представленные в этой книге, принадлежат исключительно ее авторам и не отражают позицию ФБР или любой другой организации.

Фото, относящиеся к сюжетам этой книги, а также прочую информацию о Джоне Дугласе и других работах авторов можно найти на www.mindhuntersinc.com.

В маленькой комнате большого здания

Дело здесь не столько в том, *кто это сделал?*, а *почему?*

В конечном итоге, если мы разобрались с *почему?* и добавили к этому *как?*, то поймем и *кто*. Потому что *почему?* + *как?* = *кто*.

Задачи подружиться нет. Задачи стать врагом тоже нет. Задача – установить истину.

Это словесная и психологическая шахматная игра без фигур, бесконтактный спарринг, соревнование на выносливость, в котором каждая из сторон стремится воспользоваться слабостями и неуверенностью другой.

Мы сидим друг напротив друга за маленьким столом в тускло освещенной комнате с бетонными стенами, покрашенными в серо-голубой цвет. Единственное зарешеченное окно в запертой стальной двери. Сквозь него с другой стороны за происходящим пристально наблюдает охранник в форме. Его задача – следить за соблюдением установленного порядка. В тюрьме строгого режима нет ничего важнее, чем это.

Мы сидим здесь уже два часа, и наконец момент настал.

– Мне нужно, чтобы вы своими словами описали то, что было двадцать пять лет назад. Как происходило то, из-за чего вы оказались здесь? Эта девочка, Джоан, – вы были знакомы с ней? – спрашиваю я.

– Ну, встречалась она мне по соседству, – отвечает он спокойно, ровным голосом.

– Вернемся к моменту, когда она появилась на пороге. Расскажите, что происходило дальше, по порядку.

Это похоже на сеанс гипноза. В комнате тишина, и я наблюдаю, как он преобразается на моих глазах. Кажется, что меняется даже его внешность. Поблуждав где-то за моей спиной, его взгляд упирается в голую бетонную стену. Он перемещается в другое время и в другое место, в некую историю о самом себе, которая неотступно преследует его.

В помещении очень свежо, и даже в костюме я едва не дрожу от холода. Но история, которую я попросил рассказать, заставляет его вспотеть. Отчетливо слышно, как тяжелеет его дыхание. Вскоре его тюремная роба намокает от пота, и видно, как под ней дрожат грудные мышцы.

Так, не глядя на меня, он и рассказывает всю историю, будто самому себе. Он там, в том времени и месте, и думает сейчас так же, как думал тогда.

В какой-то момент он вдруг обращается ко мне, смотрит прямо в глаза и говорит: «Джон, когда я услышал стук во входную дверь, посмотрел сквозь дверную сетку и увидел, кто за ней стоит, я уже знал, что убью ее».

Введение: экспертный опыт

Это книга об образе мыслей опасных маньяков. В ее основу легли мой четвертьвековой опыт работы в ФБР в качестве поведенческого психолога и следователя-аналитика, а также то, чем я занимался после своего ухода из Бюро.

Но на самом деле это книга о беседах, которые я вел. В конце концов, именно с них все для меня и началось. Благодаря этим разговорам я уяснил, что понимание образа мыслей агрессивного маньяка может помочь правоохранительным органам поймать его и отдать в руки правосудия. Это и подтолкнуло меня к поведенческому профайлингу.

Проводить беседы с содержащимися в тюрьмах осужденными за насильственные преступления я стал, исходя из соображений личной и служебной необходимостей. Во многом это было обусловлено стремлением понять глубинные мотивы преступников. Как и большинство свежеепеченных сотрудников ФБР, я начинал уличным агентом. Моим первым местом службы был Детройт. С самого начала меня интересовало, почему люди преступают закон: не только *сам факт* противоправного действия, но и то, *почему* человек совершил данное конкретное преступление.

Детройт был сложным городом: в мою бытность там грабили аж по пять банков в день. Ограбления банков системы Федеральной корпорации страхования депозитов считаются федеральными преступлениями, входящими в юрисдикцию Бюро, так что многим агентам-новичкам в придачу к прочим обязанностям поручали расследовать и их. Как только мы брали подозреваемого и зачитывали ему его права (часто это происходило на заднем сиденье нашей служебной машины или полицейской патрульной), я засыпал его вопросами. Зачем грабить банк, где с безопасностью все строго и все пишется на пленку, а не какой-нибудь магазин, где в кассе полно наличности? Почему именно это, а не любое другое отделение? Почему именно в этот день и час? Это было заранее спланированное ограбление или все произошло спонтанно? Вы сначала наблюдали за этим банком и/или сделали пробный визит туда? Я мысленно систематизировал получаемые ответы и создавал неформальные «профили» типичных грабителей банков (хотя тогда этот термин еще не использовался). Я начал понимать различия между запланированными и незапланированными преступлениями и организованной и неорганизованной преступностью.

Дошло до того, что мы могли прогнозировать, какие отделения банков и когда будут грабить вероятнее всего. Так, мы понимали, что в районах, где многостроек, банки будут грабить скорее всего в пятницу, ближе к полудню, когда в них будет много наличных для выплаты строительным рабочим. Эти знания мы использовали для того, чтобы в каких-то случаях усиливать защиту потенциальных целей преступников, а в других – устраивать засады, если считали, что сможем взять грабителей с поличным.

На втором месте службы, которым был город Милуоки, меня отправили на двухнедельный курс обучения переговорам с захватчиками заложников в новую ультрасовременную академию ФБР в Куантико, штат Вирджиния. Его вели спецагенты Говард Тетен и Патрик Муллани – первопроходцы в применении поведенческой психологии в практике работы Бюро. Их главная тема называлась «Прикладная криминалистика» и была своего рода попыткой ввести научную психопатологию в криминалистику и обучение молодых агентов. Муллани считал переговоры с захватчиками заложников первым практическим применением прикладной криминалистики. Это был новаторский шаг в борьбе с преступностью новой волны: угонами самолетов и ограблениями банков с захватом заложников, вроде того, которое случилось в Бруклине в 1972 году и послужило сюжетной основой фильма «Собачий полдень» с участием Аль Пачино. Было совершенно очевидно, что понимание происходящего в голове у взявшего заложников принесет огромную пользу переговорщику и в конечном итоге спасет челове-

ские жизни. Я проходил этот курс в числе примерно полусотни других спецагентов. Его преподавали впервые, и это был смелый и необычный эксперимент для ФБР. Над Бюро все еще нависала мрачная тень его легендарного директора Дж. Эдгара Гувера, скончавшегося всего за три года до этого.

Даже на склоне лет Гувер железной хваткой управлял учреждением, которое он, по сути, создал. Его практичный и хладнокровный подход к расследованию соответствовал содержанию известной фразы из телесериала «Облава»: «Только факты, мэм». Все должно было быть измерено и подсчитано: количество арестов, обвинительных приговоров, закрытых дел. Он никогда не принял бы чего-то настолько субъективного, индуктивного и излишне эмоционального, чем являлся поведенческий анализ. Это действительно полностью противоречило бы его убеждениям.

В Отделе поведенческого анализа меня заприметили еще во время прохождения курса переговоров с захватчиками заложников и еще до отъезда обратно в Милуоки официально предложили перевестись к ним на службу. Несмотря на название отдела, основной обязанностью работавших в нем девяти агентов было преподавание. В числе учебных курсов были «Прикладная криминалистика», «Переговоры с захватчиками заложников», «Практические проблемы полиции», «Управление стрессовыми ситуациями в полиции» и «Половые преступления». Последний мой замечательный коллега Рой Хэйзелвуд впоследствии переименовал в «Межличностное насилие».

Хотя уже в то время в академии формировалась модель обучения, основанная на трех «столпах»: преподавании, консультациях и исследовательской работе, – лучшие специалисты вроде Тетена консультировали неформально и вне рамок какой-либо учебной программы. Основное внимание на этих занятиях уделялось важнейшему для большинства следователей вопросу – *мотиву*. Зачем преступники идут на то, что они совершают, какими способами это делают и как понимание этого может помогать в их поимке? Главной методической проблемой был в целом теоретический характер учебного материала, поскольку агенты со стажем, прошедшие обучение в Академии ФБР, обладали, очевидно, большим практическим опытом, чем преподаватели.

Это особенно сильно сказывалось на самом молодом из преподавателей, то есть на мне. Вот передо мной сидит учебная группа, состоящая из опытных детективов и офицеров, подавляющее большинство которых значительно старше меня по возрасту, и я, по идее, должен учить их психологии преступника, о которой у них уже сложилось представление из непосредственного опыта работы. Свой практический опыт я получил в основном в ходе совместной работы с выдавшими виды профессионалами из Детройта и Милуоки, и мне казалось нахальством рассказывать таким же, как и они, людям о том, как им следует работать.

Постепенно многие из нас стали осознавать, что то, что вполне подходит психологам и психиатрам, не слишком востребовано работниками правоохранительных органов.

Тем не менее ко мне стали обращаться с такими же просьбами, как и к Тетену. На занятиях, в перерывах или даже в свободное вечернее время офицеры и детективы просили подсказать что-то или проконсультировать по рабочим вопросам. Если мы разбирали учебный кейс, напоминающий дело, которое расследовал кто-то из них, человек решал, что ко мне можно обратиться за помощью. В их глазах я был непререкаемым авторитетом из центрального аппарата Федерального бюро расследований. Но так ли это было на самом деле? Я стал задумываться о том, что не помешало бы накопить полезную информацию и практические примеры. Это придало бы мне уверенности в том, что я действительно знаю, о чем говорю.

Осваиваться в новой для меня культуре учебного заведения и в преподавании мне помогал Роберт Ресслер. Он был примерно на восемь лет старше и перешел на преподавательскую работу относительно недавно. Он считал, что его задача заключается в том, чтобы, используя заложенные Тетеном и Муллани основы, развивать практику поведенческого анализа, кото-

рая будет лучше соответствовать нуждам управлений полиции и органов следствия. Самым эффективным способом передачи опыта новому преподавателю считалась выездная учеба. По просьбам местных полицейских управлений или других правоохранительных органов к ним приезжали преподаватели из Куантико, чтобы провести недельный курс занятий по отдельной теме учебного плана академии. На следующей неделе они проводили такие же занятия в каком-то другом месте, после чего возвращались домой с полными чемоданами грязного белья и воспоминаниями об одинаковых гостиничных номерах. В эти поездки мы отправлялись вместе с Бобом.

Как-то утром в начале 1978 года мы с Бобом уезжали из Сакраменто, штат Калифорния, где проводили очередную выездную учебу. В разговоре с ним я заметил, что преступники, о которых мы упоминаем в своих лекциях, по большей части еще живы и находятся в местах не столь отдаленных, где без труда можно их отыскать. Почему бы не встретиться и не побеседовать с некоторыми из них? Мы поймем, как *они сами* воспринимают содеянное, заставим их вспомнить и рассказать нам, *почему* они пошли на это и *что* происходило в их головах в момент совершения преступления. Я считал, что попробовать не помешает, тем более что некоторым из них тюремная жизнь наверняка надоела и они будут рады возможности поговорить о себе.

В то время очень немногочисленные научные исследования заключенных сводились к темам эффективности меры наказания и условно-досрочного освобождения. При этом имевшиеся данные говорили о том, что агрессивные и склонные к самолюбованию заключенные в целом неисправимы. Мы рассчитывали, что, побеседовав с ними, сможем понять, действительно ли это так.

При всем своем изначальном скепсисе Боб согласился принять участие в этой безумной затее. Служба в армии и предшествовавший работе в Бюро опыт общения с бюрократией заставили его руководствоваться правилом: «Лучше потом попросить прощения, чем пытаться получить разрешение». Мы решили, что будем появляться в тюрьмах без предупреждения. В описываемое время удостоверения ФБР было достаточно для того, чтобы посетить тюрьму без предварительного разрешения. Заблаговременное предупреждение о нашем визите было чревато утечкой информации. Узнав, что кто-то из осужденных будет беседовать с парой федералов, остальные заключенные могли решить, что он стукач.

Мы заранее представляли себе, с какими позициями и идеями наверняка столкнемся в ходе этих бесед. Например:

- Все будут твердить о своей невинности.
- В приговоре виноваты плохие адвокаты.
- Разговаривать с представителями правоохранительных органов не хочется.
- Сексуальные маньяки будут строить из себя просто одержимых сексом.
- Убийства не случилось бы, будь в этом штате предусмотрена смертная казнь за такое преступление.
- Жертвы преступлений сами виноваты.
- Это все из-за неблагополучного детства.
- Нам будут говорить, что знали, что правильно, а что нет, и понимали возможные последствия своих действий.
- С психикой все нормально.
- Серийные убийцы и насильники будут выглядеть умнейшими людьми.
- Педофилы и соблазнитель малолетних – одно и то же.
- Серийными убийцами становятся, а не рождаются.

Ниже мы увидим, что некоторые из этих представлений оказались правильными, а некоторые – крайне далекими от действительности.

Удивительно, но подавляющее большинство из тех, кто был нам нужен, соглашались побеседовать. Основания для этого были самыми разными. Кто-то считал, что факт сотрудничества с ФБР положительно отразится на характеристике, и мы не возражали против такого мнения. Другие просто боялись отказать. Для многих заключенных, особенно самых отъявленных преступников, которых навещают очень нечасто, эти беседы были способом развеяться, поговорить с людьми с воли и провести пару часов вне камеры. Были и те, кто был настолько уверен в своей способности провести кого угодно, что видели в этих разговорах возможность блефовать в свое удовольствие.

В конечном итоге простая идея, возникшая в разговоре по пути из Сакраменто, превратилась в проект, ставший делом жизни для меня, Боба и других сотрудников Бюро, кто впоследствии присоединился к команде, и удачно дополнивший арсенал средств борьбы с преступностью. Уже на первом этапе наших интервью с убийцами в числе изученных нами заключенных были душитель-фетишист Джером Брудес из Орегона, который любил обувать трупы своих жертв в босоножки на высоком каблуке из своего обширного женского гардероба; Монте Рисселл из Вирджинии, в подростковом возрасте изнасиловавший и убивший пятерых женщин; и «убийца 44 калибра» Дэвид Берковиц, известный также как «Сын Сэма», который терроризировал Нью-Йорк на протяжении 1976-го и 1977-го годов.

Со временем я и мои коллеги из Куантико побеседовали и со многими серийными убийцами и маньяками, в том числе с убившим множество молодых женщин Тедом Банди и Гэри Хейдником, пытавшим и убивавшим женщин в подвале своего филладельфийского дома. Черты характера обоих были использованы писателем Томасом Харрисом в его «Молчании ягнят». То же относится и к Эду Гину, с которым я беседовал в психиатрической больнице. Гин убивал женщин, чтобы использовать их кожу для поделок. Он послужил также прототипом Нормана Бейтса из знаменитого фильма Альфреда Хичкока «Психо». К сожалению, наша беседа была безрезультатной: возраст и психическая болезнь полностью расстроили мышление Гина. Тем не менее он все еще получал удовольствие от занятий кожаным ремеслом: делал ремни и бумажники.

В итоге появилась методика интервьюирования, позволяющая увязать преступление как таковое с тем, что происходит в голове убийцы в момент его совершения. Впервые мы получили возможность сопоставить психологическое состояние преступника с оставленными им уликами и тем, что он говорил своей жертве в случае, если она выжила, или делал с ее телом до и после смерти. Как мы часто убеждались, это помогало ответить на извечный вопрос: «Что за человек мог сделать подобное?»

К моменту завершения первого этапа наших собеседований мы уже знали, что за люди способны на подобное. Их мотивы можно было описать тремя словами: *манипуляция, доминирование и контроль*.

С этих бесед все и началось. Все собранные нами данные и выводы, к которым мы пришли на их основе, книга «Убийство на сексуальной почве», ставшая результатом наших изысканий, созданное нами «Пособие по классифицированию преступлений», пойманные с нашей помощью и переданные суду убийцы – все это началось с того, что мы усаживались за стол напротив убийцы и задавали вопросы о его жизни, чтобы понять, что заставило его лишиться жизни другого человека, а иногда и многих людей. Все это стало возможным потому, что мы обратили внимание на не использованный ранее источник знаний – самих преступников.

Ниже мы детально рассмотрим четверых убийц, напротив которых я усаживался уже после своего ухода из Бюро. В беседах с ними я использовал методы, аналогичные разработанным в процессе наших исследований. Эти убийцы разнятся между собой приемами, мотивами, психологией и количеством жертв. Все они становились для меня источниками новых

знаний. Различия между ними вызывают безусловный интерес. Но не менее интересны и общие черты. Все они опасные маньяки, не установившие близкие доверительные отношения с другими людьми в процессе формирования своих личностей. И каждый из них представляет собой яркую иллюстрацию к дискуссии по одному из центральных вопросов поведенческого анализа: убийцами рождаются или же становятся в силу особенностей развития?

В ФБР работа моей группы строилась по формуле *почему?* + *как?* = *кто*. Беседуя с осужденными, мы могли пройти этот процесс в обратном порядке. Мы знали *кто* и *что*. Сопоставив эти знания, мы получали ответы исключительно важные: *как* и *почему*.

Часть I

Кровь агнца

1. Пропала девочка

В 1998 году, отпраздновав 4 июля День независимости, я сел на поезд и поехал на встречу с очередным потенциальным «источником знаний» по имени Джозеф Макгоуэн. Когда-то этот обладатель магистерской степени преподавал химию в старших классах. Но вот уже долгое время он был известен всего лишь как заключенный № 55722 тюрьмы штата Нью-Джерси в городе Трентон.

Макгоуэн лишился свободы, потому что за четверть века до этого совершил изнасилование и особо жестокое убийство семилетней девочки, зашедшей к нему в дом предложить благотворительные печенки.

Поезд держал путь на север, а я готовился к предстоящему разговору с убийцей. Это нужно делать всегда, но в данном случае это было особенно важно. Наша беседа имела значение далеко не только как источник информации для исследовательских целей. Комиссия штата Нью-Джерси по вопросам условно досрочного освобождения ожидала от меня помощи в решении вопроса о возможности выпуска Макгоуэна на свободу. В этом ему отказывали уже дважды.

В то время председателем комиссии штата по УДО был юрист по имени Эндрю Консовой. Он работал в комиссии с 1989 года, а ее председателем стал как раз в момент, когда ходатайство Макгоуэна поступило на рассмотрение в третий раз. Услышав радиопередачу с моим участием, Консовой прочитал нашу книгу «Охотник за разумом» и порекомендовал ее исполнительному директору комиссии Роберту Иглзу.

«Помимо прочего, из нее и других ваших книг я уяснил себе, что нужно иметь полную информацию о человеке, разобраться в том, что он собой представляет. Он ведь не новорожденным пересек порог тюрьмы», – вспоминал Консовой впоследствии.

Исходя из этого, он создал при комиссии специальную следственную группу, состоявшую из двух отставных полицейских и исследователя. Их задачей было детальное изучение спорных ходатайств об УДО и предоставление членам комиссии максимально полной информации о претенденте, на основе которой можно было принять то или иное решение. Они-то и попросили меня проконсультировать их по делу Макгоуэна.

Консовой и Иглз встретили меня на станции и отвезли в отель в небольшом живописном городке Ламбертсвилл, стоящем на реке Делавэр. Там Иглз передал мне копию полного досье по делу Макгоуэна.

Вечером мы поужинали вдвоем, поговорили о моей работе в самых общих чертах, не касаясь деталей дела, в связи с которым я приехал. Мне было сказано лишь, что его фигурант убил семилетнюю девочку и нужно понять, представляет ли он опасность для общества сейчас.

После ужина они подбросили меня до отеля, где я на несколько часов погрузился в изучение досье. Мне предстояло сделать вывод о состоянии психики Макгоуэна – тогда и сейчас. Сознал ли он характер и последствия своего преступления? Отличает ли хорошее от плохого в принципе? Беспокоит ли его содеянное? Раскаивается ли он хоть как-то?

Как он поведет себя во время беседы? Станет ли вспоминать свое преступление в деталях? Где он собирается жить и что делать, если его выпустят? Как будет зарабатывать на жизнь?

Никогда не приходите на встречу неподготовленным – одно из моих главных правил бесед с заключенными. Кроме того, я не брал с собой записей. Они могли послужить допол-

нительным барьером между мной и собеседником как раз в момент, когда нужно будет проникнуть в самые глубины его психики.

Я не знал, что именно получу в результате предстоящей беседы, но полагал, что она будет интересной. Из каждого разговора с подобными «экспертами» я извлекал нечто ценное для себя. Оставалось лишь понять, какого рода «экспертными знаниями» может обладать Джозеф Макгоуэн.

Я тщательно изучал содержимое досье и собирался с мыслями в преддверии завтрашнего разговора.

Представшая перед моими глазами история была ужасной.

Примерно в 14.45 19 апреля 1973 года (ее мать запомнит этот Великий четверг пасхальной недели навсегда) Джоан Анджела Д'Алессандро заметила машину, припарковавшуюся на правой стороне перекрестка улиц Флоренс-стрит, на которой она жила, и соседней Сент-Николас Авеню. Джоан и ее старшая сестра Мэри уже заканчивали разносить благотворительное печенье жителям своего тихого района в Хиллсдейле, штат Нью-Джерси. В то время считалось вполне нормальным отпускать детей заниматься этим делом одних. Сестры Д'Алессандро учились в католической школе, и часть своего свободного по случаю религиозного праздника дня они посвятили доставке заказов. Оставался последний на сегодня – для жителей уголовного дома. Джоан, как обычно, хотела довести порученное дело до конца.

Это была симпатичная, заметная и активная семилетняя девочка, полная энергии и обаяния. Ее по-настоящему увлекало все на свете: школа, балет, рисование, собаки, куклы, подружки и цветы. Школьная учительница называла Джоан «социальной бабочкой», настолько естественным образом она привлекала к себе внимание окружающих. Ее любимой музыкой была «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена. Она была младшей из троих детей-погодок. Фрэнку, которого все звали Фрэнки, было девять лет, а Мэри – восемь. Как вспоминает Розмари, старшие были посерьезнее, а Джоан – побеспечнее: «Джоан была очень чуткой. Она всегда беспокоилась о чувствах и переживаниях других людей. От природы была храброй».

На фотографиях того периода она практически всегда улыбается. Вот Джоан в своей коричневой школьной форме, оранжевом галстуке и шапочке, из-под которой струятся длинные каштановые волосы. Вот она в черном трико и белых колготках демонстрирует балетное па. Вот Джоан в темно-синем вязаном свитере, как будто только что обернулась на камеру, волосы волнами ниспадают на ее милое личико. Вот она в нарядном светло-голубом платье присела поправить букетик в руках своей куклы Барби. Разные образы Джоан на этих фото объединяют две черты: ангельская улыбка и невинная притягательность взгляда ее синих глаз. Как сказал один из друзей Фрэнки: «Она была такой простой и искренней. Я бы на ней женился!»

Дед-итальянец обожал ее. «*E cosi libera!* Она такая резвушка!» – любил говорить он. Слыша задорный смех Джоан, Розмари мечтала о том, что, повзрослев, дочь станет выступать на театральных подмостках. С восьмилетнего возраста ее собирались учить игре на фортепиано.

Во второй половине того дня Джоан играла около дома одна: Фрэнки отправился в гости к жившему по соседству другу, а Мэри – на спортивный матч. Неожиданно она заскочила в дом со словами: «Я заметила еще одну машину. Пойду отнесу им печенье!» Схватив лежавший в прихожей рюкзачок с двумя коробками печенья, она вылетела обратно на улицу: «Пока, мамуль, я сейчас!» Розмари помнит, как развевались забранные в конский хвост волосы Джоан, сбегавшей по ступеням крыльца во двор дома и исчезавшей на улице.

По рассказу соседки, примерно десять минут спустя она услышала упорный лай своего пса по кличке Бuzzer. Джоан любила гулять и играть с Бузером, а тот обожал ее.

Розмари не очень обеспокоило то, что дочь не вернулась домой сразу же. «Наверное, она зашла в гости к живущей по соседству подружке Тамаре», – подумала она. В их районе было принято запросто заходить в гости к знакомым, и общительная девочка могла всегда найти себе компанию. Заволновалась Розмари около 16.45, когда к ним пришла учительница музыки, чтобы позаниматься с Мэри, но виду не подавала, чтобы ее тревога не передалась детям. В конце концов, их район считался спокойным и безопасным: неподалеку жили пастор и агент ФБР.

Она начала обзванивать соседей. Джоан нигде не было, и никто ее не видел.

Примерно без десяти шесть с работы вернулся муж Розмари Фрэнк Д'Алессандро, и она сообщила ему, что Джоан пропала. Фрэнк работал системным аналитиком и был от природы немногословным и методичным человеком, но Розмари сразу увидела, как он внутренне встревожился и напрягся. «Надо позвонить в полицию», – сказала она ему. Фрэнк согласился и позвонил. Потом он взял с собой Фрэнки и Мэри и отправился объезжать район в поисках Джоан. Они исколесили все окрестности, но не нашли ни ее саму, ни кого-нибудь, кто ее видел.

Тогда Розмари решила отправиться на поиски сама. Фрэнк не захотел пойти вместе с ней. Она вспомнила, как, выбегая из дому, Джоан сказала что-то про «еще одну машину» на Сент-Николас-авеню и про то, что хочет отнести туда последние оставшиеся у нее печенье. Это была машина Макгоуэнов. Джозеф Макгоуэн преподавал химию в старших классах школы Тэппэн Зи в Оранжбурге, расположенном почти на границе штата Нью-Йорк. Он жил в доме, который принадлежал его матери Женевиэве, вместе с ней и ее мамой, то есть своей бабушкой. В тот день в государственных школах занимались, и, судя по всему, учитель должен был вернуться домой с работы как раз тогда, когда Джоан заметила его машину.

Розмари не хотелось выходить в одиночку, и скрепя сердце она взяла с собой Фрэнки. Вместе они прошли по Флоренс-стрит и свернули на Сент-Николас-авеню. На часах было десять минут седьмого. На первом справа угловом участке стоял обшитый двухцветным сайдингом двухэтажный дом Макгоуэнов с гаражом на две машины, к которому вела подъездная дорожка.

Они поднялись по ступенькам на крыльцо, и Розмари позвонила в дверь. Фрэнки она велела оставаться на улице.

Дверь открыл Джозеф Макгоуэн, выглядевший так, будто только что принял душ. В руке у него была тонкая сигара, которую Розмари сперва не заметила. Она не была знакома с этим 27-летним холостяком, но «дети говорили, что он очень приятный человек».

Розмари прошла в прихожую: ей захотелось оказаться там, где, как она понимала, совсем недавно была Джоан. Ее уже охватило некое зловещее чувство. Женщина представилась и спросила: «Вы видели мою дочку Джоан? Девочка приносила сюда благотворительное печенье».

«Вообще не видел», – с безразличным тоном ответил он.

И в этот момент Розмари почувствовала, как все внутри нее оборвалось.

«Я стояла в прихожей и вдруг заметила, как у его дома остановилась большая пожарная машина. Мы же звонили в полицию, и, когда я поняла, что они так на это отреагировали, до меня дошло, что жизнь моя с этой минуты изменится безвозвратно».

Розмари была потрясена реакцией Макгоуэна, вернее, ее отсутствием. «Я стояла в этой прихожей со слезами на глазах, а он смотрел на меня совершенно безучастно. Увидев слезы на моих щеках, поднялся по ступенькам ведущей наверх лестницы и встал там со своей сигарой, дожидаясь моего ухода. По пути домой я поняла, что ему известно, что произошло с Джоан».

После того как полиция опросила Розмари и Фрэнка у них дома, на поиски Джоан поднялся весь район. Участвовать в них вызвались бойскауты и Джозеф Макгоуэн. Сотни людей разбились на небольшие группы и прочесывали все дома, приусадебные участки, мусорные баки и помойки, леса и парки в Хиллсдейле и соседних городках. Полиция привезла розыск-

ных собак. Несколько человек отправились на пожарной машине, которую видела Розмари, искать Джоан на водохранилище у озера Вудклифф.

Примерно в 21.20 в доме Розмари и Фрэнка появились священник из церкви Иоанна Крестителя и полицейский кинологический расчет с немецкой овчаркой. Розмари дала служебной собаке понюхать нестираную одежду Джоан, после чего расчет отправился по окрестностям. Женщину не оставляло ощущение, что пес понял, что происходит, и глубоко сочувствует ей и Джоан. Полицейские с собакой тщательно изучили путь к дому Макгоуэна, территорию вокруг него, входную дверь и ворота гаража, но нигде ничего не нашли.

Известие о пропаже и поисках девочки распространилось моментально, и район заполнили газетные и телевизионные репортеры. По замечанию самой Розмари, такого рода вещи в Хиллсдейле не случались никогда. Она регулярно разговаривала с прессой в надежде, что объявится кто-то, кто что-то заметил. Ее основным воспоминанием об общении со СМИ стало ковровое покрытие лестницы, которое грязная обувь журналистов превратила из бежевого в темно-серый.

В тот вечер чувство мучительного беспокойства сделало обстановку в доме семьи Д'Алессандро почти невыносимой. Фрэнку было свойственно впадать в ярость от огорчения. Накануне мужчина взорвался из-за отсутствия подарочной упаковки для пасхального подарка. «Он мог быть тихим и спокойным на протяжении долгого периода времени, а потом моментально и полностью измениться, – вспоминает Розмари. – Он хорошо зарабатывал, но был необщителен, и наши отношения так никогда и не стали по-настоящему душевными».

Начальник полиции Хиллсдейла Филип Вариско проводил отпуск во Флориде, когда ему доложили о пропаже девочки. Для такого городка и для такого руководителя отсутствие шефа полиции на месте трагедии было бы делом немыслимым, и он помчался домой. Скончавшийся в 2012 году в возрасте восьмидесяти девяти лет Вариско был настоящим профессионалом. Чтобы максимально повысить личную эффективность и эффективность работы своих людей, он прошел курс повышения квалификации в Национальной академии ФБР в Куантико.

На следующий день Вариско приехал к семье Д'Алессандро. Он застал Розмари сидящей на крыльце дома. Понимая, что удачный исход маловероятен, Вариско сообщил ей, что взял расследование под личный контроль, и твердо заверил, что будет сделано все необходимое и возможное. Он попросил фотографию девочки для публикации в газетах. Розмари сняла со стены в коридоре фото Джоан в школьной форме, вынула его из рамки и вручила ему.

Фрэнк сказал журналистам, что если похититель Джоан вернет ее целой и невредимой, то он лично будет ходатайствовать перед властями об отмене уголовного преследования. В одном из телеинтервью Розмари рассказывала репортеру Вику Майлзу о том, что за необыкновенный и всеми любимый ребенок Джоан, и умоляла вернуть ее домой. Много лет спустя одна из одноклассниц Джоан сказала Розмари, что до сих пор хранит живое воспоминание о телепередаче, в которой мама просит вернуть ей дочурку. Всего лишь двумя месяцами ранее женщина ни с того ни с сего подумала, насколько ужасным и мучительным событием стала бы для нее смерть кого-то из ее детей.

Полицейские допросили нескольких вероятных подозреваемых, в том числе мужчину, которого видели разъезжающим по району примерно за час до исчезновения Джоан, и еще одного, бесцельно бродившего по нему пешком. Оказалось, что первый искал подходящий дом для переезда, а второй просто заблудился. В расследовании серьезных дел почти всегда хватает неясностей и ложных следов, но очень скоро в центре внимания следователей оказался Джозеф Макгоуэн. Хотя на криминальном учете он не состоял, но Джоан сказала, что идет именно в его дом, а ее мать вспоминала о зловещем впечатлении, которое произвел на нее разговор с ним. На следующий день после исчезновения Джоан ее отец увидел, как Макгоуэн выносит мусор, и сказал Розмари, указывая на угловой дом: «Что-то там не так».

Следователи полиции допрашивали Макгоуэна и в пятницу, и в субботу. Его просили дать поминутный отчет о том, как он провел время после того, как к его дому отправилась Джоан. В спокойной и любезной манере мужчина неизменно отрицал, что видел Джоан в минувший четверг. В то время, когда дочь Розмари отправилась к нему домой, он покупал продукты в соседнем супермаркете. А что насчет машины, которую Джоан видела подъезжающей к его дому? Может кто-то подтвердить, что она выезжала из гаража? Нет, он пошел пешком. На какой из касс Макгоуэн расплачивался? Не запомнил. Можно посмотреть на чек за продукты? Он, кажется, его выбросил. Может быть, чек все еще в мусорном баке? Возможно, мусор уже вывезли. По каким дням приезжает мусорная машина? Не уверен, что знает. А что купил? Стейки, яблоки и кое-что еще. Эти стейки все еще лежат в холодильнике? Нет, они с мамой их съели. А яблоки? Не знает точно.

У опытных следователей развивается нюх на то, насколько правдивы рассказы подозреваемых и их утверждения о невиновности. Как-то за ланчем Марк Олшейкер поинтересовался у отставного следователя лос-анджелесского полицейского управления Тома Лэнджа, когда тот пришел к выводу о том, что О. Дж. Симпсон – главный подозреваемый по делу об убийстве его бывшей жены Николь и ее бойфренда, официанта Рональда Голдмана. Лэндж сказал, что О. Дж. выглядел искренним и готовым к сотрудничеству, но при этом не задал ни одного вопроса ни по поводу подробностей гибели Николь, ни по поводу того, насколько мучительной была ее смерть, ни по поводу соображений полиции относительно того, кто мог это сделать. А ведь это именно те вещи, которые обычно стремятся узнать близкие погибших.

Друг Джоан Рич вспоминает об огромной толпе людей, собравшейся у полицейского участка на Централ-авеню, в котором допрашивали Макгоуэна. На его детский взгляд, это выглядело так, как будто там собрался весь городок.

На фоне все более очевидных пробелов и противоречий в показаниях Макгоуэна полицейские предложили ему пройти исследование на полиграфе прямо в здании участка. Он согласился.

Полиграф Макгоуэн провалил, и, сообщив ему об этом, следователи предъявили все нестыковки в его показаниях. В конце концов уставший и припертый к стенке мужчина попросил о встрече со священником, которому сознался в содеянном во время встречи один на один. Затем он сделал признание следователям. Макгоуэн рассказал им, что, убив Джоан, вывез ее тело в соседний штат Нью-Йорк и оставил в лесопарке Хэрримен примерно в двадцати милях отсюда.

Обязанность сообщить об этом Розмари и Фрэнку взял на себя Вариско. Было около четырех часов пополудни. Будучи очень чутким человеком, начальник полиции привел с собой католического священника. Они присели за столом на кухне. Сама Розмари вспоминает, как убирала со стола скатерть, чтобы хоть немного оттянуть то, что, как она понимала, вот-вот произойдет.

Когда шеф рассказал ей о признании Макгоуэна, Розмари закричала: «Я убью его!» Она говорит, что в этот момент сохраняла разум и контроль над собой и понимала, что на самом деле не собирается делать ничего подобного, но охватившая ее жгучая боль требовала выхода.

Священник принялся утешать ее не говорить подобных вещей. «А вы как хотели, святой отец?» – сказал ему Вариско.

2. «Спалось мне хорошо»

Главный судмедэксперт округа Рокленд штата Нью-Йорк д-р Фредерик Т. Зугибе сказал, что случай Джоан был одним из самых эмоционально тяжелых за все долгие годы его плодотворной профессиональной деятельности.

Полицейское управление Хиллсдейла мгновенно направило информацию прокурору округа Берген, который в свою очередь передал ее отделу полиции офиса шерифа округа Рокленд штата Нью-Йорк. Уже во второй половине дня Пасхального воскресенья полицейский Джон Форбс выехал к указанному ему месту в южном конце лесопарка Хэрримен, неподалеку от шоссе Гейт-Хилл.

Там он обнаружил обнаженное тело белой девочки со следами насилия. Его втиснули в расщелину между двумя валунами на покрытом листьями склоне у подножия скалы. Голова ребёнка была резко повернута влево и смотрела вниз. Отцу четверых маленьких детишек Форбсу стоило огромных усилий совладать с собой при виде этого зрелища.

Он вызвал криминалистов и судмедэкспертов.

Когда менее чем через час к месту прибыл д-р Зугибе, внутри оцепления уже собралась целая толпа из полицейских, криминалистов, следователей, агентов ФБР, журналистов, фото-репортеров и просто любопытствующих. Он немедленно потребовал от полицейских удалить из оцепления всех, не имеющих прямого отношения к делу.

Опознать тело приехал сосед семьи Д'Алессандро Ричард Коллиер, работавший в нью-йоркском региональном управлении ФБР.

Да, это была Джоан.

Хотя на месте уже наследили, тело девочки оставалось в том же положении и к нему не прикасались. Д-р Зугибе сразу же обратил внимание на трупные пятна – фиолетовые участки кожи в абдоминальной области. Это говорило о том, что девочку убили не здесь. В противном случае под воздействием силы тяжести трупные пятна образовались бы на спине. Поскольку для их появления нужно как минимум шесть часов, он понял, что труп выбросили здесь отнюдь не только что. Измерив температуру тела, Зугибе установил, что она соответствует температуре воздуха. Это указывало на то, что смерть наступила не менее полутора суток назад, именно такое время требуется для полного охлаждения трупа. Это же подтверждало и отсутствие мышечного окоченения – посмертного напряжения мышц, которое начинается через несколько часов после смерти и спадает спустя максимум 36 часов.

На основе всех очевидных физических данных доктор пришел к выводу, что смерть Джоан наступила около пятидесяти часов назад. Проведя более сложные исследования во время вскрытия, он увеличил период времени до минимум семидесяти часов. Это означало, что девочка умерла примерно через два часа после того, как Розмари видела ее в последний раз.

Полицейские тщательно обыскали прилегающую территорию и нашли серый пластиковый пакет с логотипом компании Mobil. По словам Зугибе, вещи в пакете были аккуратно сложены, а не запиханы в него кое-как. Это была одежда, в которой Джоан была на момент своего исчезновения: пара красно-белых кроссовок, бирюзовая блузка, бордовые брюки, белые носки и запачканные кровью белые трусики.

Перед вывозом тела полицейские связались с часовней Девы Марии в Стони-Пойнт и попросили священника приехать на место. В присутствии полицейских, следователей, агентов ФБР и репортеров прибывший пастырь совершил обряд соборования Джоан Анджелы Д'Алессандро при свете огней полицейских машин. После этого д-р Зугибе официально объявил ее умершей, хотя это было очевидно и так. Он выполнил обязательную формальность при расследовании любых убийств.

Вернувшись в бюро судмедэкспертизы в Помоне, доктор начал вскрытие. По собственному многолетнему опыту работы с судмедэкспертами могу сказать, что на свете есть мало вещей более болезненных, чем вскрытие детского трупа, и уж точно нет ничего мучительнее вскрытия тела ребенка, погибшего насильственной смертью.

Закончив, Зугибе составил перечень травм, свидетельствовавших о крайней жестокости преступления: перелом шеи, следы удушения руками, смещение правого плечевого сустава, генерализованные глубокие кровоподтеки, рваные раны подбородка и верхней губы, трещина лобной кости черепа, разрыв обеих носовых пазух, отек лица, синяки под обоими глазами, три расшатанных зуба, сотрясение и кровоизлияние головного мозга, ушиб легких и печени и разрыв девственной плевы.

Джоан оглушили, придушили, совершили над ней сексуальное надругательство и в конце концов забили насмерть. Но, по словам доктора, все обстояло еще хуже. Если бы она умерла сразу же после побоев и удушения, ее лицо и тело не выглядели бы опухшими. Со смертью человека гомеостаз, вызывающий опухоли поврежденных тканей, прекращается. А поскольку опухоли образуются примерно в течение получаса, Зугибе пришел к выводу, что Джоан оставалась жива как минимум тридцать минут после того, как на нее напали. Слава Богу, она почти наверняка была без сознания.

При тщательном обследовании шеи судмедэксперт выявил две области повреждений: щитовидный хрящ и подъязычную кость. Он заключил, что примерно через полчаса после смертоносного нападения преступник, будучи неуверенным в смерти своей жертвы, вернулся к ней, чтобы задушить еще раз. Для меня это звучит совершенно убедительно. Такие «неопытные убийцы», как Джозеф Макгоуэн, нередко испытывают сомнение в своих способностях убивать и не желают полагаться на волю случая.

Пример аналогичного поведения я наблюдал в ходе расследования убийства шестилетней Джонбенет Рэмси в Боулдере, штат Колорадо, случившемся под Рождество 1996 года. В отчете судмедэксперта были указаны две возможные причины смерти: от удара тупым предметом по голове и от удушения веревкой. Поскольку на месте преступления следов крови не было, я решил, что причиной смерти стало удушение, а удар по голове был нанесен с целью убедиться в смерти девочки.

С точки зрения поведенческого анализа такие научные факты говорят об очень важной вещи. Ни один родитель, кроме систематически жестоко обращающегося со своими детьми, не стал бы целенаправленно душить этого ребенка на протяжении нескольких минут. Такое просто невозможно. В совокупности со всеми прочими судебно-медицинскими и поведенческими данными это предположение не позволяет ответить на вопрос, кто убил Джонбенет. Но оно говорит нам о том, кто ее не убивал – ее родители. Этот наш с Марком вывод вызвал волну упреков и осуждения со стороны общественности и моих бывших коллег по службе в ФБР. Однако отправление уголовного правосудия – это не конкурс популярности, и фактам надо предоставить возможность говорить самим за себя.

Именно этого я и ждал от встречи с Джозефом Макгоуэном.

Макгоуэн предстал перед окружным судьей округа Берген Джеймсом Ф. Мэдденом, который отказал в замене ареста залогом в 50 000 долларов. Во вторник 24 апреля 1973 года ему было предъявлено обвинение в убийстве Джоан Д'Алессандро.

Два дня спустя в католической церкви Св. Иоанна Крестителя состоялась заупокойная служба по Джоан. Дети из ее класса выстроились, чтобы проститься с ней, когда гроб выносили из храма.

Расследуя тяжкие преступления, надо стараться максимально абстрагироваться от эмоций. Это нужно не только для объективности и беспристрастности, но и для сохранения душевного равновесия. На протяжении всей моей карьеры поведенческого аналитика необходимость ставить себя на место жертв расследуемых преступлений действительно была тяжким психо-

логическим бременем. Реакция д-ра Зугибе и полисмена Форбса на зрелище истерзанного тела малышки Джоан вполне понятна. Как ни старайся быть «профессионалом», *не* реагировать на подобное невозможно.

«Каким же чудовищем должен быть человек, ни с того ни с сего сотворивший подобное с семилетней девчушкой?» – спрашивал я себя, читая досье четверть века спустя. Именно на этот вопрос нужно было постараться найти ответ.

На следующий день после предъявления ему обвинения Макгоуэн повторил свое признание д-ру Ноэлю К. Гэйлину – психиатру, консультировавшему судебную систему штата Нью-Джерси. Он подробно рассказал о том, как открыл Джоан входную дверь и, услышав о цели ее прихода, предложил спуститься с ним в подвал за деньгами. По всей видимости, она не хотела или сопротивлялась, поскольку Макгоуэн признался, что схватил девочку и потащил в подвал в свою спальню. В это время тугая на ухо его 87-летняя бабушка смотрела телевизор на втором этаже, а мать была на работе.

На этих страницах я не разглашаю никакую закрытую информацию из дела Макгоуэна или медицинских отчетов. Все оценки и аналитические данные, которые здесь приводятся, были опубликованы в решении Верховного суда штата Нью-Джерси по апелляционному делу «Джозеф Макгоуэн, заявитель-апеллянт, против Комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата Нью-Джерси» от 15 февраля 2002 года.

Как рассказывал д-ру Гэйлину Макгоуэн, оказавшись в своей спальне на «безопасном расстоянии» от улицы, он приказал Джоан раздеться. Так и не совершив половой акт, по его словам, он эякулировал себе в руку буквально в нескольких дюймах от девочки, после чего вошел в нее пальцами. Скорее всего, Макгоуэн не дождался, пока она разденется догола, поскольку ее трусики были запачканы кровью. Мы не можем с уверенностью говорить о том, что половой акт он так и не совершил, но кровь и травмированная вагинальная область говорят о совершенном над девочкой жестоком надругательстве.

Как рассказывал Макгоуэн, в этот момент до него дошло, какие последствия повлечет за собой его импульсивный поступок. «Внезапно я осознал, что совершил. Если отпустить ее, мне конец. Я мог думать только о том, как от нее избавиться», – сказал он д-ру Гэйлину.

Как следователь скажу, что с криминологической точки зрения это выглядит убедительным. В такой стрессовой ситуации «разумный» преступник обычно думает только о том, как остаться безнаказанным. Похоже, так было и с Макгоуэном. Вопрос о том, оставалась ли Джоан живой после первого удушения столь же долго, сколько предположил д-р Зугибе, остается открытым, как и вопрос, какая из попыток убийства была для Макгоуэна успешной. Но в целом рассказ о происшедшем не вызывает сомнений. Стенограмма признания:

«Я схватил ее и начал душить, стащил с кровати в угол комнаты, с коврового покрытия на кафель. Она типа пыталась кричать и сопротивляться, но не могла, конечно, я же держал ее за горло обеими руками. Ну, и это... она затихла... вроде как просто улеглась там. Я оделся. Вспотел ужасно. Пошел в гараж. Взял пластиковые пакеты, чтобы ее в них запаковать. [Вернувшись из гаража] заметил, что она еще шевелится, так что снова придушил ее и несколько раз стукнул головой об пол. У нее кровь лилась из носа, изо рта... в общем, отовсюду. Весь пол заливала кровь. Тогда я взял пластиковый пакет, нацепил ей на голову и крепко держал, пока она окончательно не затихла».

Читая это перед встречей, я думал: «За пару часов до этого этот человек стоял в классной комнате и преподавал химию старшеклассникам. Что заставило его совершить то, что он совершил?»

В ходе признательных показаний Макгоуэн рассказал, что положил труп девочки в пластиковый мусорный мешок, потом обмотал его старым диванным покрывалом, перевязал веревкой, перетащил в гараж и засунул в багажник своей машины, той самой «новой машины», которую заметила Джоан. Он взял свои старые футболки и постарался оттереть всю кровь с

пола. После чего отъехал на машине на пару десятков километров и выбросил обнаженное тело девочки под скалу на склоне холма в лесопарке Хэрримен. Мусорный мешок и диванное покрывало он оставил на придорожной помойке.

Возвратившись в Хиллсдейл, он присоединился к волонтерам, искавшим Джоан.

«Когда я вернулся домой, мне полегчало. И спалось мне хорошо», – сказал он д-ру Гэйлину.

3. Сознание убийцы

Фрэнк Микулски ушел на пенсию с поста начальника полиции Хиллсдейла в 2006 году, прослужив в общей сложности сорок два года. Когда произошло убийство Джоан, он был патрульным сержантом.

«Это стало самым ужасным преступлением из всех, когда-либо случавшихся в наших краях. Этот человек совершил чудовищную вещь. А когда подобное происходит с ребенком, то намертво въедается в память общества. Для здешних людей это сродни Перл-Харбору или 11 сентября... Каждый помнит, где он был и что делал в тот день», – вспоминал он на страницах бергенской газеты *Record*.

Почти все, кто знал семью Д'Алессандро или Джозефа Макгоуэна, помнят, где и при каких обстоятельствах узнали о том, что произошло.

Учитель математики Роберт Каррильо ездил на работу вместе с Макгоуэном и еще одним учителем, Юджином Бальери, и когда стало известно о пропаже Джоан, сразу же о нем подумал: «Когда об этом сказали в новостях, я первым делом вспомнил о Джо. Да ведь он же живет рядом, наверное, знает ее, хотя, конечно, ни при чем».

В Пасхальное воскресенье Каррильо вместе с женой и дочкой навещал свою мать в Куинсе. Вечером они ехали домой и слышали новости по радио. «Мы были на шоссе в Бронксе, когда объявили о поимке подозреваемого в убийстве Джоан Д'Алессандро. Сказали, что это учитель старших классов из округа Рокленд, и назвали его имя. Мне пришлось остановиться на обочине. Сделалось физически плохо».

Джек Мескино преподавал химию вместе с Макгоуэном. Он и его близкий друг, Пол Колетти, несколько раз общались с ним в компаниях учителей. «Помню, как мы об этом узнали. Нам позвонили, и мы просто остолбенели, посмотрели друг на друга и сказали: “Что???”», – вспоминает Колетти.

«Да это было просто нереально. Было просто шоком узнать, что он сотворил такое, – соглашается Мескино, но затем продолжает: – С другой стороны, Джо и вправду был парнем со странностями. Начинаешь вспоминать разные вещи. Еще меня поражал его юмор. С этим у него была большая проблема. То, что он находил смешным или забавным, не рассмешило бы обычного человека. Очень странно. Джо всегда ходил со связкой ключей, такого количества никому никогда и не понадобилось бы. Бог его знает, зачем они были ему нужны. В том числе он занимался тем, что проверял, закрыты ли двери классных комнат после окончания школьного дня. Было известно, что он наезжал на некоторых коллег из-за незапертых классов. Это вообще-то не входило в его обязанности. Административных функций у него не было. Хотя перед дирекцией школы он откровенно заискивал».

«Считали его подхалимом, – говорит Каррильо. – А еще я вспоминаю, что, когда было модно состоять в клубе Playboy в Нью-Джерси, Джо щеголял перед всеми в учительской своей золотой членской карточкой. Одобрение или признание окружающих, да, для него это было важное дело».

Мы спросили Каррильо, нравился ли Макгоуэн ученикам. «Думаю, да. Он относился к типу учителя, который старается расположить их к себе. Он очень старался нравиться детям».

Однако это получалось не всегда. Позже мы с Марком узнали, что целому ряду учениц было в обществе Джозефа не по себе. Одна женщина, которой сейчас под шестьдесят, вспомнила, как на уроке химии спросила Макгоуэна, что делать с уже не нужной ей стеклянной колбой. Он схватил колбу и бросил на пол так, что осколки разлетелись по всему классу. Свой поступок преподаватель никак не объяснил.

Так же думали о Джозефе и другие ученицы. Одна из них поделилась своими воспоминаниями в социальной сети: «Когда-то, наверное, в выпускном 1971 году, этот Макгоуэн вел

у нас химию. Он пугал настолько, что я пошла в дирекцию и попросила, чтобы меня перевели из его класса».

Неделю, последовавшую за убийством Джоан, школа в Таппан Зи оставалась закрытой на весенние каникулы, но в день начала занятий, в следующий понедельник, в классах царил атмосфера гнетущей тишины.

«Возобновление занятий происходило очень странно. Все знали, что произошло, но никто толком об этом не разговаривал. Может, ученики и обсуждали это между собой, но сотрудники были просто в шоке, и всё. Совет по образованию уволил Макгоуэна на закрытом совещании, публично об этом не объявляли», – говорит Каррильо.

По словам Каррильо, он общался на эту тему с Юджином Бальери, и «кое-что вспоминалось. Но случившееся было так ужасно, что люди избегали касаться этого даже вскользь».

Еще хуже было Джеку Мескино: «Возобновление занятий проходило просто ужасно. Мы же преподавали совместно, и тут вдруг *наши* ученики становятся *моими* учениками. Никогда не забуду первые несколько уроков. Мне нужно было пять-десять минут, чтобы просто набраться мужества обратиться к ученикам. Сидели и смотрели друг на друга, не знали, как с этим быть. Были полностью оглушены».

На протяжении нескольких последующих недель сидевшего в окружной тюрьме Макгоуэна подвергли еще некоторым психологическим обследованиям. 10 мая 1973-го, немногим более чем через две недели после д-ра Гэйлина, подозреваемого проверял психолог Эммануил Фишер. Он установил, что Макгоуэн «чрезвычайно нестабильная, зажатая и истеричная личность, склонная поступать по настроению и импульсивно, в очень несдержанной форме. Несмотря на то что он исключительно умен, рациональный контроль слаб».

Д-р Фишер отметил «огромную глубинную бессознательную враждебность», которую он «подавлял, избегал, сублимировал и интеллектуализировал». И хотя он старался казаться «очень порядочным, воспитанным, адекватным человеком, эти подчеркнутые порядочность, воспитанность и адекватность представляют собой фасад глубокой депрессивности и враждебности, в которых он не отдает себе отчета».

Менее чем через месяц, 6 июня, д-р Гэйлин представил психиатрический отчет о своих беседах с Макгоуэном. Он отмечал, что обследуемый «предоставил хорошо обоснованное описание своего сексуального влечения к маленьким девочкам. Это, и совершенно очевидная картина доминирования матери, и ее чрезмерная опека ясно указывают на наличие у него ряда серьезных проблем, не позволяющих выстроить нормальные отношения со взрослой женщиной».

Гэйлин ссылаясь на признание Макгоуэна в том, что уже несколько лет его сексуально возбуждают маленькие девочки, особенно его двенадцатилетняя двоюродная сестра. По его словам, он мастурбировал, фантазируя об изнасиловании. На этой основе психиатр сделал вывод о том, что «маленькие девочки не являлись источником его представлений о себе как о довольно слабом мужчине».

В октябре д-р Абрахам Эффрон представил еще один нейропсихиатрический отчет. Согласно ему, Макгоуэн подтверждал то, что уже рассказал д-ру Гэйлину о своих «сексуальных фантазиях». Он добавил также, что в девятнадцатилетнем возрасте работал вожатым в летнем лагере и испытал возбуждение, когда одна из девочек села к нему на колени.

Д-р Эффрон побеседовал также и с матерью Макгоуэна Женевьевой, которой в момент убийства не оказалось дома. Она сказала, что ее супруг, скончавшийся от сердечного приступа, когда Джозеф находился в университете, «был намного ближе к мальчику, чем она, и часто ходил с ним гулять». По окончании высшего учебного заведения Джо поселился в родительском доме вместе с ней и бабушкой.

В отчете Эффрона говорится:

«Макгоуэн не всегда показывает свои чувства, утаивает многие стороны своего сложного истинного “я”, свое самоотождествление и связанные с ним эмоциональные трудности. Он пытается скрывать свою неспособность по-настоящему утвердиться в роли мужчины. В обществе противоположного пола всегда испытывает напряжение. Это порождает тревожность, в свою очередь подпитывающую саму себя и выливающуюся в еще большую напряженность, которая должна сгладиться полной потерей самоконтроля или сексуальной разрядкой.

Ему удастся контролировать скрытый психоз и непомерными интеллектуальными усилиями сдерживать свои первобытные импульсы, но, как показывают прошлый и трагический недавний опыт, он может сорваться снова».

Дискуссия о том, рождаются маньяками или становятся ими (так называемый вопрос «наследственности или воспитания»), не утихает. Берусь утверждать, что человек, не имеющий определенных врожденных склонностей к импульсивности, приступам ярости и/или проявлениям садизма, не станет маньяком в силу трудного детства. В то же время я нисколько не сомневаюсь в том, что плохое воспитание и негативные впечатления детства и юности могут подталкивать к этому людей, обладающих такими врожденными склонностями.

Кстати, одним из таких людей был Эд Кемпер.

Эдмунд Эмиль Кемпер III был первым, кого мы с Бобом опросили после того, как мне пришла в голову идея разговаривать с убийцами. Единственной проблемой было то, что мы толком не понимали, что делаем.

Работая агентами ФБР, мы научились опрашивать свидетелей и допрашивать подозреваемых. Но ни один из этих навыков в действительности не помогал нам в беседах с заключенными. Опрос в процессе следствия – встреча с человеком, который может обладать информацией в связи с преступлением или совершившим его преступником. Мы стараемся разузнать как можно больше о том, кто, что, когда, где, зачем и как. К этому человеку не относятся, как к подозреваемому.

В то же время допрос подразумевает, что вопросы задаются человеку, которого подозревают в совершении преступления. Такого человека обязаны проинформировать о его правах, а получение сведений ни в коем случае не должно нарушать установленные процессуальные рамки. Для допрашивающего это обычно становится чем-то вроде презентации, в ходе которой подозреваемый получает неопровержимые доказательства своей причастности к совершенному преступлению. Чтобы привести подозреваемого к сотрудничеству и признанию, вопросы задаются не в сослагательном, а в утвердительном наклонении.

Ни один из этих подходов для наших тюремных бесед не годился. Взаимодействие между агентом и особо опасным преступником должно было носить неформальный и не слишком структурированный характер. Нам нужны были не факты, которые уже установили до нас, а мотивы, картина поведения до и после преступления, описание процесса выбора жертвы и, главное, ответы на вопросы *почему?* и *зачем?* И все это нужно было получить без излишнего нажима, напора и подводок, то есть в манере, прямо обратной той, которую мы старались применять в допросах подозреваемых.

Как бы парадоксально это ни выглядело, но беседа в тюрьме должна была быть «естественной»: просто пара людей собралась поговорить и обменяться информацией.

Раз уж мы были в Калифорнии, то решили начать с местной «клиентуры». Один из тамошних агентов бюро был учеником Боба и согласился стать для нас связующим звеном с тюремной системой штата. Эд Кемпер – гигант под метр девяносто ростом и под полтора центнера весом – отбывал несколько пожизненных сроков в тюремной больнице штата Калифорния в Вакавилле, городке на полдороге между Сакраменто и Сан-Франциско. За серию убийств на территории Калифорнийского университета в Санта-Круз и вокруг нее, совершенных им в 1972–1973 годах, Кемпер получил прозвище Убийца студентов. До встречи мы ознакомились со всеми страшными деталями его досье. Впоследствии это стало обязательной частью нашего

рабочего процесса: мы не хотели, чтобы нас сбивали с толку или обманывали большие специалисты по этой части. Но нам нужны были не столько факты, сколько то, что думали и чувствовали подобные Кемперу, когда замыслили и совершали свои преступления. Мы хотели понять, что ими двигало, какими приемами они пользовались и как они относились к каждому из своих нападений или убийств постфактум. Нам нужно было знать, как и где зарождались их фантазии, что именно было для них наиболее ценной эмоциональной составляющей преступления и действительно ли муки и страдания жертв были им так важны. Короче говоря, где проходит водораздел между «практическими» аспектами совершения преступления и его «эмоциональными» мотивами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.